

ных тонов, сплошь зашитое вышивкой цветным шелком) и др. Сохраняя национальные особенности покроя и украшений, все эти костюмы обнаруживают одновременно и заметное влияние современной городской культуры — упрощение покроя, использование новых материалов, а кое-где переход от традиционного цвета костюма к белому.

Сохранение традиций внутреннего убранства жилища, связанного с определенным периодом жизни молодой семьи, иллюстрирует уголок комнаты башкирских молодоженов.

Огромное значение имеют в наше время широкие и интенсивные связи между народами нашей страны, обмен культурными ценностями, взаимовлияние и распространение наиболее рациональных форм жилища и одежды. На интересных схемах в этом разделе показано широкое распространение срубного русского дома у народов Сибири, Поволжья и других районов. То же самое можно сказать и о доме с айваном таджикско-узбекского типа, получившем в настоящее время признание у многих недавно еще кочевых народов Средней Азии, а также и некоторых народов Казахстана.

Заключительный раздел выставки посвящен использованию традиционных форм декора в современном градостроительстве (резьба по камню и дереву — русских и армянских мастеров, резьба по ганчу — сырому алебастру — узбекских народных художников, использование керамики для украшения интерьера общественных зданий на Украине и др.) и моделированию одежды, в частности спортивной, в которой национальные мотивы тактично сочетаются с современным силуэтом.

Все материалы экспозиции наглядно выявляют общий процесс взаимовлияния культур. При этом показано, что некоторые формы имеют общесоветский характер, другие — самобытны и прекрасно приспособлены к данной географической зоне. В некоторых случаях плодотворным оказывается слияние этих двух струй. Элементы, порожденные нуждой, религиозными и бытовыми предрассудками, исчезают; рациональные же элементы получают развитие на новой, более высокой экономической базе, причем иногда они приобретают широкое региональное или даже общесоюзное распространение.

Выставка «Новое и традиционное в современном жилище и одежде» — несомненно новое слово в методике экспонирования материалов по современности. Авторский коллектив сотрудников ГМЭ в составе Е. Н. Студенецкой (бригадир), Д. А. Горб, Т. А. Крюковой, Н. Н. Комоловой, Л. Н. Молотовой, А. С. Морозовой, З. Б. Предтеченской и Э. Г. Торчинской проделал громадную работу, не только разработав способы подачи, но и выявив сложную проблематику современных процессов. Известно, что сводных работ, в которых бы отражались современные этнические процессы в материальной культуре народов СССР пока еще не существует.

Современна не только сама экспозиция, но и художественное оформление ее, выполненное со вкусом и выдумкой. Экспозиция эта имеет самостоятельное значение, но может послужить и концовкой для любого регионального отдела музея.

Разумеется, выставка не лишена известных недостатков. Для некоторых разделов ее следовало бы продолжать поиски более выразительных материалов. Это, кстати, выполнимо, так как основные элементы легко заменяемы, что имеет значение не только для совершенствования экспозиции, но и для постоянного поддержания ее на уровне продолжающейся развиваться современности. Требуют дальнейшего продумывания и текстовые пояснения, указатели последовательности обзора. Надо сказать, что пока посетителю без экскурсовода трудно уяснить себе достаточно ясно стержневую идею каждого раздела (отсека). Вероятно, следовало бы выработать и более точное название выставки. Мы предложили бы такой вариант — «Национальные традиции в современном жилище и одежде народов СССР».

Можно не сомневаться в том, что новая экспозиция вызовет интерес у посетителей Музея этнографии народов СССР и вместе с тем привлечет внимание работников, практически связанных со строительством, текстильной и швейной промышленностью, художников, модельеров. Они смогут поучиться вкусу и выдумке, которые различные народы СССР вкладывают в конструкции и художественное оформление своей одежды и жилища.

Т. В. Станюкович, К. В. Чистов

ТРИ НЕДЕЛИ В БОЛГАРИИ

В июле 1969 года по приглашению культурно-просветительных и научных учреждений я провел три недели в Болгарии. Гостеприимные хозяева, друзья и коллеги сделали все, чтобы показать как можно больше — и притом самое для меня интересное, важное и необходимое, так что командировка оказалась на редкость содержательной. В предлагаемом обзоре попытаюсь рассказать о некоторых своих впечатлениях.

С 5 по 13 июля в черноморском городе Бургасе проходил Пятый Международный фольклорный фестиваль. На нем были представлены шесть стран: Болгария, СССР, Польша, Румыния, Чехословакия, Кипр.

В течение десяти дней в летнем городском театре, на концертных площадках Соляного берега, в домах культуры, на импровизированных эстрадах, на стадионах городов и сел Бургасского округа выступали песенные и хореографические коллективы стран-участниц фестиваля.

По самым скромным подсчетам, свыше ста тысяч зрителей испытали в эти дни радость от встречи с ярким, жизнерадостным народным искусством. Многие из этих встреч выходили далеко за рамки «просто» концертов, пусть даже и первоклассных, они превращались, как писал корреспондент газеты «Отечественный фронт», в праздники дружбы и мира между народами.

Я вспоминаю вечер в Малко Тырново, городке близ турецкой границы, в самом сердце горного массива Странджи. На стадионе, расположенном среди невысоких лесистых гор, при свете прожекторов, в присутствии тысяч горожан и жителей окрестных сел состоялось выступление грузинского ансамбля из Батуми. Сказать, что концерт этот явился настоящим (и вполне заслуженным) триумфом аджарских артистов, что зрителей покорило высокое мастерство исполнителей, поэтичность и национальное своеобразие песен и танцев Грузии — значило бы сказать лишь об одной стороне этой встречи. В этот вечер на стадионе, в городе — повсюду царила атмосфера братской дружбы, той самой дружбы, которая прочнее прочного связывает народы Болгарии и Советского Союза и с самыми разнообразными проявлениями которой я встречался во время своей поездки повсеместно.

В зрелищном, собственно художественном отношении Пятый фольклорный фестиваль удался на славу и свою роль пропагандиста и популяризатора народного искусства в массах выполнил с успехом.

Но фестиваль имел и другие цели, о которых не знала широкая публика, и которые занимали организаторов фестиваля и приехавших в Бургас специалистов фольклористов, теоретиков и практиков музыкального искусства, работников радиотелевидения, печати. Фестиваль должен был показать, как в наши дни в разных странах, в различных условиях происходит художественная адаптация фольклора, какими путями и в каких формах попадает он на сцену и что с ним при этом совершается. То обстоятельство, что на фестивале были представлены главным образом социалистические страны, придавало особую специфику этим вопросам. На фестиваль приехали преимущественно крупные профессиональные и полупрофессиональные ансамбли народных песен и танцев — из Праги, Лодзи, Муреша (Румыния), Батуми, Благоевграда, Кипр представлял греческий рабочий ансамбль, созданный по инициативе демократической общественности. Разнообразным и интересным был состав участников: помимо прославленного «Пирина» мы увидели превосходные детские ансамбли Дворца пионеров Софии и Пионерского дома Бургаса; настоящим украшением фестиваля были выступления небольших групп мастеров фольклора, особенно — группы женщин из села Плана Софийского округа, сохранивших старые песенные и хореографические традиции в удивительной чистоте.

Бургасские вечера дали богатую пищу для размышлений, для сопоставления опыта разных стран, для творческой дискуссии, которая развернулась на специальной теоретической конференции. На бургасских фестивалях такая конференция — новость, и нельзя не приветствовать инициативу организаторов фестиваля, впервые решивших соединить показательные выступления художественных коллективов с научным обсуждением теоретических проблем. Нельзя сказать, чтобы организаторы и участники конференции до конца были довольны ее ходом и результатами. Видимо, в будущем предстоит еще кое-что продумать, чтобы такие конференции давали больший эффект. Но главное все же было достигнуто — завязался серьезный разговор по вопросам, волнующим и нашу научную, теоретическую мысль, и широкие круги музыкальной общественности. Отличным началом этого разговора явились содержательные, полемические доклады болгарских коллег: «Прошлое и настоящее болгарского музыкального фольклора. По следам древней музыкальной культуры» (проф. С. Джуджев); «Народное искусство и музыкальная работа с государственными ансамблями народной песни и пляски» (засл. арт. К. Стефанов); «Сценическое претворение танцевального фольклора» (засл. арт. М. Дикова).

В докладе С. Джуджева прозвучала очень важная мысль о том, что для правильной и успешной современной интерпретации фольклора необходимо глубокое научное понимание его природы, истории, содержания и формы. Отрадно, что два других доклада, авторами которых выступили руководители профессиональных коллективов, в сущности подкрепили и конкретизировали эту мысль, подчеркивая, что речь должна идти не о консервации, а о творческом воспроизведении и дальнейшем развитии наследия.

Среди выступивших в прениях были народный артист Ф. Кутев, постоянный председатель Фестивального комитета, большой знаток болгарской народной музыки, композитор, давший в своем творчестве множество примеров использования и обработки музыкального фольклора; чехословацкий фольклорист Иржи Холинка; руководитель румынского ансамбля Юлиу Молдован; руководитель кипрского ансамбля Леонидас Синзерис; дирижер аджарского ансамбля М. Килладзе; представительница польской делегации Ева Моричинска; хореограф из ОАР Хасан Халил. Участники конференции под-

черкнули, что профессиональное и самодеятельное искусство в наши дни стало средством сохранения и популяризации фольклорного художественного наследия, поддержания и трансформации в духе современности фольклорных традиций. Естественно, что речь шла о тех принципах, на которых должны основываться взаимоотношения этого вида искусства с фольклором, прежде всего — о необходимости бережного отношения к нему, о наиболее эффективных способах поддержания лучших традиций народного творчества и народной исполнительской культуры. Автор этих строк в своем выступлении специально остановился на этнографизме как характернейшей особенности живых фольклорных традиций. Любой художественный коллектив, обращающийся к фольклору, должен стремиться сохранить и адаптировать черты этнографизма, выражающиеся во множестве признаков, начиная от одежды исполнителей и кончая особенностями языка и голосоведения или хореографическими подробностями. Утрата реальных этнографических примет грозит омертвлением и обезличением народного искусства.

Участники дискуссии поддержали эти мысли. Ф. Кутев подробно говорил о необходимости изучать и сохранять областные фольклорные традиции, он подверг критике тенденции к обезличивающему «обобщению» народных певческих и хореографических школ.

Все мы сошлись на том, что фольклористика в наши дни должна систематически и глубоко изучать проблемы, связанные с музыкально-сценическим воплощением фольклора, исследовать фольклорное наследие с точки зрения возможностей и способов такой адаптации, предлагать научные рекомендации по сохранению и переработке фольклорных традиций.

Я имел немало случаев убедиться в том, что болгарские фольклористы относятся с большой серьезностью к этим проблемам, и их опыт может быть весьма полезен. Участие ученых в повседневной работе различных культурных учреждений положительно сказывается на результатах дела. Фольклористы, прошедшие отличную школу, работают в редакциях радио и телевидения, в концертной дирекции. Они исполнены решимости противостоять вульгаризаторским упрощенческим тенденциям при популяризации народного творчества, они хорошо понимают ценность подлинного фольклора и стремятся сделать его широко известным, воспитывают уважение к нему у массового слушателя.

Болгарские фольклористы превосходят знают живой фольклор своего народа. Фольклорные традиции, прежде всего музыкальные, поэтические, песенные, хореографические, уходящие корнями в глубокую древность и в то же время столетиями развивавшиеся и обогащавшиеся, сохраняются в сегодняшней Болгарии еще довольно прочно. Мы видели на фестивале старинные разнообразные хоро, игры кукуров (типы архаических обрядовых масок), слышали обрядовые и лирические песни и баллады, исполненные на традиционных музыкальных инструментах — гадулках, гайдах, кавалах. То, что звучало на фестивале, — принадлежит не к музейным редкостям, а к фактам живого искусства. Конечно, многое уходит — и безвозвратно, кое-что сохраняется, так сказать, в единичных образцах и уже выглядит как экзотика (таков, например, сохранившийся в одном селе в Страндже женский обрядовый танец на горячих углях). Но многое в старом фольклоре отнюдь не противоречит ни изменившимся формам быта, ни новому сознанию. Я убедился в этом лишний раз, когда сотрудники Института музыки Болгарской Академии наук Елена Стоин и Райна Кацарова повезли меня в село Железница, чтобы дать мне возможность встретиться с мастерами фольклора. Железница — типичное пригородное село, вполне благоустроенное, тесно связанное со столицей. Здесь живут шопы — их считают наиболее ревностными хранителями старых болгарских бытовых и художественных традиций.

То, что я увидел в Железнице, очень характерно для нынешней Болгарии, хотя, разумеется, такое встретишь не повсеместно. Хозяйка дома, в который мы приехали, оказалась превосходной исполнительницей народных песен. Ее искусство отмечено медалями различных фестивалей, она показывала нам грампластинку, напетую ею вместе с ее товарками. Нам она пела сначала одна, под аккомпанемент гадулки, на которой играл ее сын, песни обрядовые, о Марке Кралевиче и др. Потом пришли ее подруги, явился сосед-гайдар, и быстро составилась небольшой хор — такой силы и такого мастерства, что успех в Бургасе ему был бы обеспечен. Пожилых женщин сменила группа девушек, а вслед за ними стали показывать свое искусство совсем юные — девочки 10—12 лет. Выяснилось, что преемственность фольклорных традиций, воспитание «смены» составляет в селе предмет специальной заботы, здесь есть энтузиасты и мастера, готовые «школу». Елена Стоин — блестящий знаток болгарской народной песни — оценила эту «школу» весьма высоко. Впрочем, в одном вопросе она разошлась с хозяевами, и завязался спор, который живо заинтересовал и меня. Дело в том, что шопский диалект довольно сильно отличается от современных норм литературного болгарского языка. Естественно, что в общеобразовательной школе учителя прививают детям навыки литературной речи и ведут борьбу с диалектами. В результате этого девочки, которых мы слышали, старались и слова песен произносили по-литературному. Вот это обстоятельство и вызвало возражение у Елены Стоин, которая убеждена, что старая песня должна сохраняться в своем традиционном языковом облике. Я был согласен с нею, но как этого достичь? Ведь чем дальше, тем больше будут углубляться различия между живой речью болгарских крестьян и песенным языком старого фольклора.

Жизнь опровергает представления о фольклоре как о спутнике (или даже следствии) народной отсталости. Существование фольклора поддерживается не отсталостью, а преемственностью бытовых традиций, так же как и традиций народной культуры и психологии. Однако же коллизия между фольклором как органическим элементом народной жизни и бурными преобразованиями, происходящими в самой жизни, существует, и долг науки в том, чтобы исследовать и, если угодно, верно прогнозировать результаты происходящего объективного процесса, а значит, и пытаться воздействовать на него. Болгарские фольклористы осознают диалектическую сложность этих проблем и ищут способы своего участия в их разрешении.

Один из новых путей развития и популяризации фольклора они видят в проведении ежегодных фольклорных праздников — «соборов», привлекающих (и помогающих выявить) множество народных певцов, музыкантов, танцоров. Такие «соборы» регулярно устраиваются с 1960 г. в областях с ярко выраженными особенностями традиционной народной культуры: для них выбираются места с красивой природой, по возможности с естественными амфитеатрами. Сюда съезжаются фольклорные коллективы и многие сотни мастеров-исполнителей — певцов, танцоров, кавалджиев (исполнители на кавалах — дудках), гайдаров (исполнителей на гайдах-волынках), гадуларей (исполнителей на гадулах — смычковых инструментах). Здесь же демонстрируются еще сохраняющиеся в быту народные обряды — свадьбы, колядование, лазарица, кукуры; устраиваются богатые выставки народных тканей, одежды, ковров, керамики, изделий из дерева и т. п. В течение нескольких дней продолжаются эти праздники народного искусства и народной традиционной культуры. Специальное жюри, составленное из фольклористов, этнографов, хореографов, художников, композиторов, писателей, выносит свои оценки, присуждает награды. Фольклористы тут же записывают песни и снимают праздник на киноплёнку, собирают сведения об исполнителях. Радио Софии организует затем серию передач о праздниках; выпускаются пластинки с записями песен, исполненных на праздниках, издаются популярные песенные сборники.

Такие фольклорные праздники уже состоялись в Страндже, в Добрудже, в Родопах, в Тракии и в других местах Болгарии. В 1965 г. в Копривщице прошел Первый национальный собор народного творчества. Такой общebolгарский праздник решено проводить каждые пять лет. В программу очередного национального собора 1970 г. предполагается включить научную конференцию по фольклору.

Надо ли говорить, как важно все это для современной культуры Болгарии, для поддержания и развития лучших традиций народного творчества, наконец — для успехов самой науки, которой так необходима связь с живым искусством народа. Опыт болгарских фольклористов заслуживает того, чтобы над ним подумать.

Нельзя не сожалеть о том, что наша живая русская фольклорная традиция — все еще богатая и разнообразная — мало известна широкой общественности. К сожалению, выступления мастеров русского фольклора и непрофессиональных фольклорных коллективов перед публикой, так же как и их взаимные встречи, — редкость. И у нас, без сомнения, имели бы успех хорошо организованные фольклорные праздники, которые проводились бы наряду со зрелищами художественной самодеятельности. Такого рода праздники можно было бы соединить с различными этнографическими выставками; при их организации объединялись бы усилия и интересы научных фольклорно-этнографических учреждений, культурно-художественных организаций, радио, телевидения и т. д.

Во время поездки укрепились мои убеждения в том, что болгарская фольклористика находится на подъеме. Это заметно, прежде всего, по той интенсивности, с какой работают ученые Болгарии, и по материальным, так сказать, результатам. В дни, когда я был в Софии, на витринах книжных магазинов можно было увидеть новые издания по фольклору, которые, без сомнения, вызовут живой интерес не в одной Болгарии. Вышло несколько превосходно изданных фундаментальных сборников — собрание народных песен из Пиринского края и сборник современных городских песен. Кроме того, издательство «Болгарский писатель» переиздает хорошо известный всем славистам многотомный классический труд Кузмана А. Шапкарева «Сборник от болгарски народни умотворения» (под общей редакцией профессоров П. Динекова и С. Стойкова), давно ставший библиографической редкостью. Во вступительной статье к первому тому П. Динекв назвал Шапкарева среди тех деятелей болгарского Возрождения, которые имели наибольшие заслуги в деле открытия сокровищ болгарского народнопоэтического творчества. Если добавить к этому, что несколькими годами ранее были переизданы известные сборники народных песен братьев Миладиновичей и Верковича, что недавно вышло обширное исследование М. Арнаудова, посвященное Верковичу, а Институт музыки БАН выпустил специальный том трудов, посвященный памяти Василя Стоина, основоположника болгарской музыкальной фольклористики, то станет ясно, насколько глубоко в современной Болгарии интерес к фольклористическому научному наследию, насколько живо стремление сохранить все ценное в нем, исторически его осмыслить и использовать. Пример связи прошлого с настоящим — деятельность академика М. Арнаудова. Несмотря на весьма солидный возраст, этот ученый трудится с удивительной энергией и завидной творческой продуктивностью. Теперь издательство «Болгарский писатель» выпускает двухтомник его работ — «Очерки по болгарския фолклор» (под редакцией Елены Огняновой).

Много внимания проблемам фольклора уделяет проф. Петр Динеков — ученый и педагог, заслуженно пользующийся исключительным авторитетом. Всюду в Болгарии можно встретить его учеников — выпускников Софийского университета, с восхищением вспоминающих лекции профессора по фольклору. Его книга «Български фолклор» (1 ч.) известна во многих странах. Естественно, что один из первых вопросов, которые я задал профессору Динекову при нашей встрече, был вопрос о продолжении книги. Петр Николаевич сообщил, что вторая часть близка к завершению, но он намерен серьезно пересмотреть и первую часть. Значит, скоро (надеюсь, скоро!) мы получим большую современную монографию о болгарском фольклоре.

Раз уж я завел разговор о ближайших планах болгарских ученых, не могу не сообщить здесь несколько интересных новостей. Первая касается всех этнографов: готовится к печати фундаментальный труд известного ученого Христо Вакарельского «Болгарская этнография». Книга до сих пор была известна в польском переводе, а недавно вышла также на немецком языке. Для болгарского издания автор проделал над книгой дополнительную работу. Вторая новость привлечет внимание тех, кто занимается славянским эпосом: группа ученых — Л. Богданова, Ст. Стойкова, Т. Живков — подготовила обширный том, посвященный народному эпосу. Первый раздел книги состоит из публикаций, записей эпических песен, сделанных в разных местах Болгарии в последние десятилетия и до сих пор хранившихся в архивах. Публикации должны дать ценнейший материал для изучения судеб болгарского эпоса, его современного состояния. Второй раздел книги включает разнообразный справочный материал — указатели, библиографию, карты и т. д. Я имел возможность просмотреть сюжетный указатель — это пособие, которое станет по выходе настольным для исследователей, собирателей, студентов. Оно будет иметь исключительное значение для международной славистики. Мы с нетерпением будем ожидать выхода книги. Надо только добавить, что весь этот труд делался под руководством профессора Цветаны Романской, которой, увы, не суждено было увидеть его завершения. Издание тома явится теперь данью памяти Романской, так много сделавшей для подъема болгарской фольклористики. Труд, о котором я говорил, создавался в Этнографическом институте. Для работы секции фольклора института характерно внимание к коренным проблемам фольклористики, к методологическим аспектам, к вопросам исторического анализа фольклора, комплексного его исследования, к изучению современности. Немногочисленный коллектив секции работает дружно, инициативно, Ст. Стойкова готовит свод болгарских загадок и одновременно продолжает свои занятия эпосом и современным фольклором. Т. Живков сдал в издательство монографию о болгарском антифашистском фольклоре. Делчо Тодоров «открыл» недавно в Видинском крае старого сказочника, у которого записал большое число замечательных текстов, изучение его творчества должно помочь уяснению ряда сложных проблем эстетики и истории болгарской сказки.

Добавлю еще, что в институте создается сейчас полная рабочая библиография по болгарскому фольклору, и вообще уделяется немало внимания так называемым вспомогательным работам — верный признак того, что ученые намерены приступить к разработке больших тем и готовят для этого прочные тылы.

Фольклористы Болгарии проявляют большой интерес к делам советских коллег. Мой доклад в Этнографическом институте, посвященный обзору современных проблем фольклористики собрал, несмотря на летнее время, довольно большую аудиторию. Интерес проявлялся постоянно и в частных разговорах. Софийские фольклористы в общем-то довольно хорошо осведомлены о наших текущих делах, следят за литературой. Главное же — современная болгарская фольклористика весьма близка к нам, — в понимании основных задач науки, ее перспектив, связей с жизнью общества, методологических принципов. Думаю, что помимо факторов общего порядка, свою роль сыграли непосредственные связи болгарских ученых с нашими учеными и научными учреждениями: многие из них приезжали в Советский Союз, работали здесь; контакты наши довольно оживленные и носят по-настоящему дружеский характер.

Однако же, в результате углубленного знакомства с фольклористикой и многих бесед, я пришел к выводу, что имеющиеся формы наших контактов уже недостаточны. От эпизодических (хотя относительно и не очень редких) встреч нам пора переходить к более планомерному и широкому научному сотрудничеству, которое охватывало бы конкретные научные проблемы, предусматривало бы разработку общих тем, создание совместных трудов и т. д. Такое сотрудничество было бы полезно обеим сторонам.

Болгарская фольклористика на подъеме, но у нее есть и свои проблемы, свои трудности. Иные из них знакомы и нам. Так, изучением фольклора занимаются в разных учреждениях, принадлежащих совсем разным ведомствам, и немногочисленные научные силы в связи с этим распылены. Многие ученые мечтают о создании Института фольклора (либо о сосредоточении основных сил в одном учреждении). Пока же есть план — создать нечто вроде межведомственного творческого объединения фольклористов, которое могло бы проводить более или менее крупные мероприятия — конференции, дискуссии и т. д. Мне с сожалением говорили, что фольклористам редко удается собираться на большие — общенационального масштаба — научные собрания. Теперь предполагается организация такой большой встречи.

Рассказ о болгарских этнографических музеях мог бы составить предмет специального обзора. Мне удалось увидеть, должно быть, более десяти из них, и каждый посвоему интересен и своеобразен. В маленьком черноморском городке Мичурине я посе-

тил любительский музей в Доме культуры, занимающий всего одну комнату. Экспозиция — народная одежда, хозяйственные предметы — были очень хороши, вся экспозиция оформлена искусно и квалифицированно. Мне особенно понравилось (позже я же видел и в других музеях) то, что многие формальные пояснения под экспонатами были удачно дополнены цитатами из народных песен; вещь от этого как бы оживает, собою носит с более широким кругом народных понятий.

Этнографический музей в Пловдиве помещается в доме, который представляет собою замечательный памятник зодчества эпохи болгарского Возрождения: он построен из дерева в 1847 г. для богатого пловдивского торговца. Мы попадаем как бы в двойной музей: во-первых, это памятник архитектуры, во-вторых, музей с множеством ценнейших этнографических экспонатов, достаточно полно и точно характеризующих жизнь и быт старой Болгарии, перед нами открываются картины домашнего городского быта середины прошлого столетия. Ко всему прочему музей оформлен с особым вкусом и совершенно по-современному.

Под городом Габрово есть живописное местечко Етера, где мы видели музей нового типа, которому предстоит интересное будущее. Сейчас здесь создается заново (час постройка переносится, часть воздвигается) комплекс болгарских хозяйственных ремесленных, бытовых заведений: водяная мельница, кузница, мастерские по изготовлению металлических, деревянных изделий, ткацкие и т. п. В Етере будут представлены все традиционные формы болгарского ремесла, причем сохраняется и восстанавливается вся старая техника и соблюдается традиционная технология. Музей будет одновременно и действующим хозяйством, которое должно функционировать на началах самокооперации и хозрасчета. Судя по всему, эксперименту в Етере суждено иметь большой успех: музей расположен удачно, на оживленном пути, поблизости есть отель, уже действует отличный ресторан с национальной кухней.

Об Этнографическом музее в Софии нет необходимости специально рассказывать — авторитет и известность его достаточно высоки. В то же время я хотел еще сказать об одном необыкновенном музее, городе-музее Копривщице. Место это для болгарского народа — святыня. Сюда въезжаешь с чувством благоговения. На арке городского ворот надпись: «Добре дошли в старото бунтовно гнездо Копривщица». Здесь в 1876 г. началось знаменитое апрельское восстание, сыгравшее большую роль в освобождении Болгарии от турецкого ига. Старая часть города — это памятник восстанию, его героям, его трагедии; здесь в экспонатах потрясающей силы предстает перед нами своеобразная этнография города-бунтаря, открывается быт восставших. Копривщица — родина или место жизни многих знаменитых болгар: здесь находятся дома-музеи Л. Каравелова, Димчо Дебелянова, Георгия Бенковского, Тодора Коблешкова... Каждый дом в старой Копривщице — памятник национального зодчества эпохи болгарского Возрождения. Мы попадаем в обстановку возрождающейся буквально из пепла болгарской культуры своеобразного городского быта. Вот это причудливое сплетение историко-революционных, культурно-исторических, архитектурных, собственно этнографических тем и придает городу-музею неповторимую прелесть. К этому надо добавить особенную тишину на улочках старой Копривщицы и окружающий город мягкий горный ландшафт. Здесь, на склонах гор, обступивших со всех сторон Копривщицу, происходят национальные фольклорные фестивали. Здесь с особенной отчетливостью начинаешь воспринимать героическую сущность и высокий патриотический дух болгарской народной поэзии.

Поездка в Копривщицу, многочисленные впечатления от фестиваля, от встречи с мастерами фольклора, от поездок по стране, от бесед с самыми разными людьми дали богатый и ценный материал для понимания народной поэзии в ее теснейших связях с народной жизнью, с этнографией страны, с историей ее культуры.

Я хотел бы закончить свои заметки словами сердечной признательности и приветствия моим друзьям из Софии, Бургаса, Пловдива, Благоевграда, Шумена, Копривщицы, Железницы — всем тем, кто дарил меня дружеским вниманием и гостеприимством.

Б. Н. Путило